

ОТРЫВОКЪ
 ИЗЪ ПОВѢСТИ ЛОРДА БАЙРОНА;
 ГЯУРЪ.

I.

Солнце къ западу склонилось ,
 Ночь простерла свой покровъ:
 Сквозь завѣсу облаковъ
 Чуть въ мерцаніи свѣсилась
 За шуманной мглой луна.
 Въ грозномъ сумракѣ молчанья,
 Все въ объятіяхъ мечтанья,
 Усладительнаго сна,
 Въ мирномъ ложѣ сладоспращья
 И любовь и вѣгу пещь;
 И въ забвеньи не зовещь
 Обольщительнаго счастья.

II.

Все молчишь. Рыбакъ одинъ
 Сна волшебнаго не знаешь,
 И луны покорный сынъ
 Онъ безопасно развѣзжаешь
 По обманливымъ зыблямъ:
 То къ гранитнымъ берегамъ
 Онъ въ ладѣ съ сѣтями мчишь,
 То захопливо шаишь
 За ушесомъ легкой чолнъ,
 То плывешь по волѣ волѣ. . . .

III.

Идутъ къ морю Мусульманы
 Торопливою толпой;
 Ярко блестятъ яшаганы
 Серебристой чешуей;
 Вошь отважная дружина
 Молча къ берегу идешь.

Смѣлой рѣчью властелина
 Турка пасмурный зовешъ
 Съ быспрой лодкой рыболова, —
 Лодка быспрая гошова :
 Чокодаръ ужь въ ней сидишь
 Подлѣ мрачнаго Гассана ;
 Къ нимъ въ ладью шолца сѣвшишь,
 И поклонники Корана
 Съ ношей по морю плывушь.

IV.

Дикій сумрака приюшь,
 Грудой каменной склоненный,
 Вошь скалы гранишный сводъ;
 Надъ равниной шемныхъ водъ
 Овъ нависъ уединенный—
 И къ нему лешишь ладья :
 Пѣвы влажныя спруя
 Подъ весломъ грядой ложишся.
 У скалы ошпановишся
 Рыбаку Гассанъ велищъ. . . .

V.

Чолнъ послушливый споить ,
 И въ объяхъ сонной влаги
 Дѣши бурныя отваги
 Ношу легкую свою ,
 Жершву месши, за ладью
 Хладнокровные бросающъ.
 Ужь на влагѣ исчезающъ
 Разбѣжавшіе круги,
 И Гяуровы враги
 Ужь поплыли въ пушь обратной.
 Смолкло все; опять кругомъ,
 Съ шишиною благодашной,
 Все почило смершнымъ сномъ.

VIII.

Уныль и сумраченъ Гассанъ :
 Какъ швердо-каменная груда,
 Эмира давишь Сауда,
 Какъ неизбѣжный Азуманъ.

Ошягопишельная дума
Его раскаяньемъ гнешешь;
И, безошрадная, зовешь
Подъ грозный сумракъ *Закоума*.

IX.

Но онъ всегда ли былъ шакимъ,
Поклонникъ рѣзваго веселья?
Всегда ли прелесшь наслажденья
Чуждалась беззабошнымъ имъ,
Всегда-ль онъ былъ Гассавъ печальный,
Всегда-ли звукъ его рѣчей
Пугаль привѣшливыхъ друзей,
Какъ голосъ пѣсни погребальной?

XV.

Молва ужасная носилась,
И, если вѣришь, шо одни
Разсказывали, чшо они
На вѣрно видѣли, какъ скрылась
Леила въ самую шу ночь,
Какъ на исходѣ *Рамазана*

Завѣшнымъ чадамъ Алкорана
 Ясно-блискающей свѣпочь
 Горѣль съ вершины *Минарета*
 И вѣрнымъ чадамъ Магомеша
 Байрамъ веселый возвѣщаль.
 Народъ досужный полковаль,
 Чшо вѣроломная Леила,
 Одна вечернею порой,
 Къ фоншану свѣшлomu ходила
 Какой-шо скрышною шропой.

XVI.

Гарема сыражи недосступной
 Тогда слыла шакая вѣспь,
 Въ шолпѣ Нубійцевъ неподкупной,
 Кошорыхъ гибельная лещь
 Очаровашельнаго злапа,
 Большихъ наградъ пусная шраша,
 Къ измѣвѣ дерзкой не ведущь,
 Какъ бесполезная опшвага.
 Судановъ хладная вашага,—
 Они въ гаремѣ берегущь

Красотъ плѣнительныя хоры.
 Грозой пылающіе взоры
 И мрачностію ихъ ужасныхъ лицъ.
 Враги преступныя измѣны ,
 Они храняшь нѣмыя снѣны—
 Любви роскошной юныхъ дѣвъ.

XVII.

Уже идетъ Гассанъ поспѣшно
 Къ фонтану съ мрачною душой:
 Тамъ ищешь дѣвы молодой.
 Но, полный грусти безупѣшной ,
 Ее напрасно ищешь шамъ.
 Онъ вѣришь гибельнымъ мечшамъ
 Въ слѣпомъ предчувствіи сомнѣнья :
 Его духъ бурный волноваль,
 Любви позорной голосъ мщенья—
 Эмиръ Леилы не видалъ
 У водъ прохладнаго фонтана.

XXI.

Какъ красошу молодой Лейлы
 Волшебной кистью описатьъ ?
 Ее ни съ кѣмъ нельзя сравнятьъ:
 Какой-то шомношью унылой ,
 Съ любовью спрасшной и живой,
 Очаровашельныя очи,
 Какъ лучезарный весперь ночи,
 Сіяли горной красошой.
 Какъ блескъ Бенгальскаго алмаза ,
 Рубиномъ рѣдкимъ *Шебсера*
 Сіяли свѣшлые они
 Ошрады въ счастливыя дни,
 Сквозь пошупленные рѣспицы.
 Какъ свѣшъ родившейся денницы
 Алѣшь въ небѣ голубомъ ,
 Такъ на лицѣ ея живомъ
 Румянецъ нѣжный разливался,
 И блѣдой розой ошпѣнялся
 Въ красѣ лилейной бѣлизны—
 Какъ ушро Майское весны ;

Съ чела небрежными кудрями
 Бѣжали мягкіе власы.

XXIII.

Луна печальная свѣшила:
 Эмиръ съ покорною шолпой
 Его служителей надежныхъ
 Лешѣль по волѣ волнъ мяшежныхъ
 Подъ наклоненною скалой.
 Чшо на рукахъ несла дружина
 И послѣ бросила въ спруи?
 Чшо въ воды мрачныя свои
 Пріяла грозная пучина?

XXIV.

Погибла ты въ сѣдыхъ волнахъ,
 Любви непостоянной дѣва!
 И голосъ страшнаго наѣва
 Не оживишь въ швоихъ очахъ
 Обмава съ хитросью коварной!
 Тебѣ, красѣ веблагодарной,

Измѣна гибель принесла!
 За чѣмъ ты вѣрной не была,
 За чѣмъ Эмира ты бѣжала?
 Презрѣла дерзко спросить его,—
 И на Гяура своего
 Гассана счастье промѣняла?

XXVI.

Эмиръ лешить передъ шолпою:
 Блесшая алмазы на чалмѣ,
 Какъ зимней ночи въ мрачной пѣмѣ
 Блистаешь яркою звѣздою
 Сквозь темныхъ облаковъ луна.
 Въ крови враговъ закалена,
 Спаль Дамассинская гремѣла
 Узорной цѣпью золопой,
 Какъ *Джіалишидѣ* она блеснѣла
 Чеканью хитрой и рѣзбой.
 Съ нарядной парой пистолешовъ,
 Зашквунъ за поясомъ кинжалъ:
 Въ пылу убійственныхъ привѣшовъ,
 Опъ имъ Албанцевъ поражалъ

Въ долу Парнейскомъ въ грозныхъ встрѣ-
чахъ,

На боевыхъ побѣдныхъ сѣчахъ.—
Какъ въ бурю вѣсперъ, онъ лешишь ,
И полы епанчи зелёной
Ошъ моря вихрь неугомонной
И развѣваешь, и клубишь.

XXVII.

Блѣднѣя солнце догарало,
И разливаясь въ мракъ шучь,
Его сіянье освѣщало
Въ глуши степей нагорный ключь.
Въ шиши пусшынныя природы
Лилися дремлющія воды
Вокругъ кристальною волной;
И брызги пылью золошой
Цвѣшны увядшіе кропили;
И влагой сонною своей
Красу печальную степей
И орошали, и живили. —

XXIX.

Необозримый небосклонъ
 Предъ ихъ сивѣлся глазами;
 Надъ ихъ склонившись головами
 Упесь гранишный здѣсь навись,
 И враны хищные вились
 Надъ шѣмемъ каменной вершины.
 Съ вѣмымъ молчаніемъ долины
 Сливался ихъ зловѣщій крикъ.
 Тамъ слѣдъ изсохшаго пошока
 Къ скалѣ нагнувшейся приникъ.
 Вода въ пески вошла глубоко,
 И чужь журчащія струи
 Волной упрямой пробралися;
 И подъ кущами разлилися
 Въ разнообразные ручьи.

XXX.

Вездѣ унылый взоръ встрѣчаетъ
 Граниша мшистаго куски,
 Ихъ силой шаякія руки
 Съдое время опрываетъ

Ошь ребрь пусшынныя скалы.
Обломки грудюю шажелой ,
Какъ зубы ошпрые пилы,
Впилися въ берегъ опусшѣлой.
Надъ ними въ тучахъ громовыхъ
Горы скрывается вершина
И купа облаковъ сѣдыхъ
Хребешъ кремнистый исполина,
Гиганша полувочныхъ горъ,
Въ покровъ шуманной облакаешъ,
И любопышныхъ дерзкій взоръ
Его чела не досягаешъ.

П. Шереметьевскій.

ЗИМЦЕРЛА,

АЛЪМАНАХЪ

НА 1829 ГОДЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛВАНОВСКАГО.

1829.